

УТВЕРЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

но всегда эти поражающие зрителя паузы, когда обращенные в зал глаза актрисы рассказывают так много.

Мне всегда казалось, что Зеркалова — актриса драматического плана, способная подняться до высот подлинной трагедии. Такой запомнилась она в «Евгении Гранде», в роли Кручининой. Но вот на днях здесь, у нас в Тбилиси, она сыграла герцогиню Бервик в «Веере леди Уиндермиер», и всех покорила ее тонкий артистизм, великолепное комедийное дарование.

Герцогиня Бервик и ее дочь Агата — не только злая сатира на светское английское общество, но и образы, преисполненные юмора.

Дарья Васильевна играет в пьесе Уайльда не только герцогиню, но и миссис Эрлин — женщину с бурным прошлым, готовую на любую авантюру ради формального восстановления своей далеко не безупречной чести и репутации. И вот вспоминается еще одна умная и ловкая авантюристка среди образов, созданных Зеркаловой, — Глафира в «Волках и овцах». Казалось, вся палитра большого художника была использована для яркого рисунка этой роли.

Трудно не только рассказать, но и просто перечислить все роли, созданные Д. В. Зеркаловой на сцене Малого театра. А ведь до этого она долго и с большим успехом играла в Центральном театре Советской Армии, а еще раньше — в театрах Одессы, Харькова, Киева. Но об одной роли нельзя не сказать. Нельзя потому, что она была блестящей победой не только артистки, но и всего коллектива, вошла в сокровищницу лучших созданий Малого театра.

Кто видел «Пигмалион» Бернарда Шоу в Малом, разумеется, не сомневается, что речь идет именно об Элизе Дулитл в исполнении

Народная артистка РСФСР
Д. В. Зеркалова.

Зеркаловой. В грязной замарашке лондонских трущоб актриса сумела с самого начала подчеркнуть искренность, чувство собственного достоинства. Разительная перемена, происходящая на наших глазах с Элизой, подчеркивает основную идею пьесы, поднимает тему борьбы за личное счастье до большого социально-политического обобщения. Неподдельный комизм образа мастерски сочетался с глубоким психологизмом. Зеркалова утверждала право своей героини на счастье, на место под солнцем. Стремление показать человеческое достоинство, мужество своих героинь — постоянное стремление актрисы. Естественно, что эта тема обрела особую полноту и размах в пьесах советских авторов, в работе над образами наших современниц.

Что всегда привлекает в искусстве Зеркаловой, — это яркость, красочность создаваемых ею образов, страстное утверждение правды и света, утверждение жизни — свободной и счастливой для всех людей. Встречи с ней, с ее большим вдохновенным искусством — всегда радость.

Г. МУХРАНЕЛИ.

Занавес поднимается еще и еще раз. Спектакль окончен и, кажется, окончен давно. Но сила нахлынувших мыслей и чувств так велика, что трудно уйти. Аплодисменты не стихают, и только, когда в зале гаснет свет, последние зрители покидают театр. Торопливо пересекаем площадь Свердлова. Но сейчас, кажется, можно уже не спешить: в метро темно... Предстоит далекий путь до студенческого городка пешком. Идем гурьбой, горячо обсуждая все только что виденное, пытаемся понять, в чем же магическая притягательность актрисы, заставившей так пережить трагедию ее героини, что трудно прийти в себя.

И сегодня, через 25 лет, я помню эту ночь, это первое знакомство с Зеркаловой, окончившееся непредвиденной многокилометровой прогулкой по заснеженной Москве, наш горячий, восторженный разговор, ее доверчивую и бесстрашную, ее утратившую иллюзии Евгению Гранде.

Вспоминаются отдельные сцены, выразительные детали, находки актрисы, сделавшие роль Евгении Гранде одной из самых ярких в довоенных спектаклях Малого театра. Сколько гневного негодования, внутренней силы было в знаменитой сцене с медальоном, когда Евгений вступает в открытую борьбу за свою любовь, какими неброскими, выразительными средствами, но как доходчиво и ярко передавала актриса всю гамму переживаний, всю смену чувств, перерождение чистой, верящей во все прекрасное Евгении в дочь своего класса, вдруг понявшую непреодолимую власть денег в буржуазном обществе.

И в связи с этим хочется сказать о необыкновенном умении Д. В. Зеркаловой молчать на сцене и своим молчанием порою больше, чем страстным монологом, заставлять зрителя верить в себя, понимать душевное состояние своей героини. Это и отдельные сцены в «Евгении Гранде», это и Наталья, а позднее Рашель в «Вассе Железновой», и Елена в «Мещанах» Горького, поставленных А. Диким вскоре после войны. Разные трактовки ролей, разная манера исполнения,

Заря Васильева, Тбилиси, Звезда, 1964